

Эмбрион *in vitro* как нематериальное благо будущих родителей

О.С. Карпенюк

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Брянск

Развитие современных репродуктивных технологий привело к тому, что такое нематериальное благо, как жизнь стало нуждаться не только в защите, но и в правовом регулировании самого момента ее зарождения. Исследование оценивает эмбрион человека как нематериальное благо посредством изучения и сравнения научных подходов, судебной практики национальных и международных судов. Исследование показало, что эмбрион создается в результате реализации личного неимущественного права на родительство, исключительное право на который принадлежит мужчине и женщине, чей биологический материал использован для создания эмбриона. Распоряжение эмбрионом возможно только по взаимному согласию до того момента, как эмбрион будет перенесен в тело женщины. Решение вопроса о правовой природе эмбриона имеет значение для защиты прав и соблюдения интересов мужчины и женщины, особенно в тех случаях, когда по тем или иным причинам один из партнеров передумал иметь совместных детей либо один или оба партнера умерли.

Ключевые слова: эмбрион *in vitro*, личное неимущественное право, родительство, распоряжение эмбрионом, нематериальное благо, исследование эмбриона до имплантации.

Сложно представить, но еще четверть века назад донорство гамет и развитие медицинских технологий, связанных с возможностью создания эмбрионов *in vitro*, считались угрозой человечеству и почвой для правового беспредела. Даже рассматривались законопроекты о запрете репродуктивных технологий и манипуляций с эмбрионами [11].

По статистике в России за 2023 г. было проведено более 86 000 циклов экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) по ОМС [10], а доля рожденных от ЭКО в 2023 г. составила 2,4 % от всех родов [6]. Вспомогательные репродуктивные технологии дали возможность бездетным парам стать родителями. Однако широкое использование современных репродуктивных технологий затрагивает как морально-этические аспекты, так и правовые вопросы.

Появление технической возможности хранения человеческих эмбрионов в замороженном состоянии породило существенное различие между искусственным оплодотворением и оплодотворением путем полового контакта. А именно – возникновение периода, порой достаточно продолжительного, между зачатием эмбриона и его

имплантацией в матку женщины. Поскольку между моментом зачатия эмбриона и его переносом могут пройти годы, ко времени переноса эмбриона пара может расстаться или кто-то из партнеров передумает становиться родителем или вообще умереть. У партнеров могут возникнуть разногласия относительно судьбы оставшихся эмбрионов после ЭКО.

Отсюда возникает вопрос: кому принадлежит право распорядиться эмбрионом? Какое право выше: право иметь детей или право на отказ стать родителем? Можно ли передать эмбрион по наследству? Кто будет распоряжаться эмбрионом, если оба родителя умрут?

Основополагающим в решении этих вопросов стало решение Европейского Суда по правам человека по делу «Эванс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) [20]. Именно это решение международного суда задавало вектор правового подхода в решении конфликтов партнеров по распоряжению эмбрионами.

В деле «Эванс против Соединенного Королевства» перед Европейским Судом по правам человека был поставлен вопрос: вправе ли женщина, прошедшая специальную процедуру в целях рождения генетического ребенка, иметь возможность произвести имплантацию эмбриона, невзирая на то, что ее бывший партнер мужчина–донор гамет отозвал свое согласие?

Надо отдать должное тщательному подходу Европейского Суда по правам человека при изучении вопроса о правах родителей на эмбрион. В частности, международный суд тщательно исследовал отчет Комитета Уорнок 1984 г., законодательство европейских государств, США и Израиля, а также имевшуюся судебную практику по спорам между партнерами, мнения которых о судьбе эмбрионов разошлись или стали противоположными к моменту переноса эмбриона в тело женщины.

Как оказалось, внутринациональное регулирование права на отзыв согласия на перенос эмбриона не отличается единством в европейских государствах и достаточно противоречиво. Так, в некоторых странах либо на законодательном уровне, либо в судебной практике закреплён подход – доноры гамет вправе отозвать согласие в любой момент до имплантации эмбриона (Бельгия, Финляндия, Франция, Нидерланды).

Иным образом решается вопрос в Австрии и Эстонии. Мужчина вправе передумать только до момента осеменения яйцеклетки. После образования эмбриона право продолжать процедуры или отказаться от имплантации принадлежит только женщине. Законодательство Болгарии также предоставляет исключительное право женщине завершить процедуру ЭКО в случае расторжения брака с супругом или смерти последнего при условии отсутствия прямого возражения от мужчины-донора. В Испании право мужчины отозвать согласие обусловлено заключением брака и фактическим проживанием с женщиной. В Исландии установлен максимальный срок хранения

эмбрионов, если пара расторгает брак до его окончания, эмбрионы подлежат уничтожению [20, п. 41, 42].

В США суды при решении споров о распоряжении эмбрионами также исходят из того, что сторона, которая против рождения ребенка, имеет преимущество. Так, в деле «A.Z. против B.Z.» (A.Z. v. B.Z.), (2000, 431 Mass. 150; 725 N.E. 2d 1051) жена после развода решила продолжить процедуру ЭКО, несмотря на возражения мужа. Бывшая жена ссылаясь на соглашение, по которому эмбрионы в случае развода передавались ей. В другом деле – «J.B. против M.B.» [J.B. v. M.B., 2001 WL 909294], который рассматривал Верховный суд штата Нью-Джерси, уничтожения эмбрионов требовала жена, в то время как муж просил их сохранить для использования с будущей женой. В обоих делах имело место соглашение между бывшими супругами о принадлежности эмбрионов. Однако несмотря на наличие договора суды по обоим делам пришли к выводу о недопустимости принудительного деторождения и необходимости «свободы выбора в вопросах брака и семьи» [20, п. 46].

В Израиле, напротив, предпочтение отдано защите прав и интересов женщины, у которой нет иного способа стать матерью, как имплантировать эмбрионы. В деле «Нахмани против Нахмани» (Nachmani v. Nachmani) (50(4) P.D. 661 (Isr)) суд пришел к выводу, что после оплодотворения яйцеклетки мужчина не вправе отозвать свое согласие иметь детей, не имеет значение, каким образом осуществляется оплодотворение – in vitro или in vivo [20, п. 49].

В деле «Эванс против Соединенного Королевства» Европейскому суду по правам человека также нужно было разрешить конфликт двух частных лиц с противоположными интересами. С одной стороны, принуждение бывшего партнера стать отцом, с другой – лишение заявительницы Эванс возможности стать генетическим родителем.

Большая Палата Европейского Суда, испытывая сочувствие к заявительнице, для которой сохранение и перенос эмбрионов был единственным шансом стать родителем генетически родного ребенка, тем не менее пришла к выводу: «праву заявительницы на уважение ее решения стать родителем в генетическом смысле не должен быть придан больший вес, чем праву J. на уважение его решения не иметь от нее генетически связанного с ним ребенка» [20, п. 90].

Споры, связанные с распоряжением эмбрионами, поднимают вопрос о его правовой природе. Чем является эмбрион с точки зрения права: субъектом или объектом?

Сторонники признания эмбриона субъектом права (А.А. Малышева [13], Е.В. Перевозчикова, Е.А. Панкратова [16], Н.Н. Федосеева, Е.А. Фролова [17]) утверждают, что эмбрион – зародыш человеческой жизни, и потому его право на жизнь должно защищаться до момента рождения. В качестве обоснования приводятся наследственные права детей, зачатых, но не родившихся на дату смерти наследодателя. Также

делаются отсылки к преамбуле Декларации прав ребенка: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения».

Однако действующее российское законодательство не признает эмбрион субъектом права. Об отсутствии правосубъектности эмбриона можно сделать вывод из содержания ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], согласно которой правоспособность – способность иметь гражданские права и нести обязанности – возникает в момент рождения гражданина.

Безусловно, понимание того, что эмбрион – это зародыш, который может развиваться в человека, затрагивает моральную и этическую сторону искусственных методов репродукции. Между тем, если посмотреть на причины криоконсервации эмбрионов, то они связаны исключительно с медицинской возможностью в будущем провести успешный перенос эмбриона в тело женщины.

Процедура экстракорпорального оплодотворения требует от женщины проведения серии гормональных инъекций для стимуляции производства зрелых ооцитов (яйцеклеток). Лекарство заставляет яичники выделять несколько яйцеклеток во время менструального цикла, а не одну яйцеклетку, которая обычно производится. Яйцеклетки извлекаются из организма женщины и исследуются врачом, который оценивает их качество для оплодотворения. Яйцеклетки, готовые к осеменению, затем объединяют с образцом спермы и дают инкубироваться в течение примерно двенадцати-восемнадцати часов. Успешное оплодотворение приводит к образованию зиготы, которая развивается в презембрион из четырех-восьми клеток. На этой стадии презембрионы либо возвращаются в матку женщины для имплантации, либо криоконсервируются при температуре -196°C и хранятся для возможного использования в будущем.

Ограниченное количество презембрионов имплантируется за один раз, чтобы снизить риск многоплодной беременности. Криоконсервация неиспользованных презембрионов снижает и, возможно, устраняет необходимость в дальнейшей стимуляции яичников и заборе яйцеклеток, тем самым снижая медицинские риски и затраты, связанные как с гормональной схемой, так и с хирургическим удалением яйцеклеток из организма женщины. Криоконсервация также позволяет ввести презембрионы в матку в оптимальное время естественного цикла для беременности. Яйцеклетки должны быть оплодотворены перед прохождением криоконсервации, потому что неоплодотворенные клетки трудно сохранить, а после консервации их трудно оплодотворить.

Таким образом, криоконсервация эмбрионов связана исключительно с особенностями медицинской процедуры, сохранением здоровья женщины и повышением шансов на развитие беременности.

Создание нескольких эмбрионов изначально не предполагает, что все они смогут развиваться в человека.

Если эмбрион не субъект, то значит ли это, что он объект права? Если да, то какой? Один из тех объектов, что перечислены в ст. 128 ГК РФ, или совершенно новый объект права?

В российской науке широко распространилась позиция Ю.А. Дружининой, что эмбрион – это индивидуально-определенная, движимая, неделимая, потребляемая вещь [7, с. 134]. Свою позицию автор обосновывает наличием у пациентов права собственности на гаметы на момент создания эмбриона. Эмбрион *in vitro* по своей правовой природе является созданием нового объекта из материалов заказчика. Близкую позицию также занимает В.В. Момотов, указывая, что «эмбрион может быть квалифицирован как особый вид имущества, с которым неразрывно связаны неимущественные права родителей» [15, с. 47].

Данная позиция была воспринята и судебной практикой. Верховный Суд Республики Хакасия в апелляционном определении от 11.06.2024 г. по делу № 33-1363/2024 определяет эмбрион *in vitro* как объект гражданских прав, обладающий признаками индивидуально-определенной, движимой, неделимой и потребляемой вещи, хоть и с определенной спецификой.

Между тем отнесение эмбриона к вещам является очень спорным. Вещь – это материальный объект, имеющий экономическую стоимость [5, с. 337]. А если эмбрион вещь, то значит он может быть предметом вещных прав. Такой подход вызывает много вопросов. Если на эмбрион возникает право собственности, значит ли это, что эмбрион находится в общей собственности партнеров, чьи гаметы использовались для его создания? Если эмбрион находится в общей собственности, то может ли партнер продать свою долю в праве на эмбрион? Как оценивать стоимость доли в праве на эмбрион?

Европейский Суд по правам человека в деле «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) указал, что эмбрион не может рассматриваться в качестве «имущества», несмотря на то что по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «имущество» имеет автономное и достаточно широкое значение, которое не ограничивается владением материальными объектами и включает также имущественные права, а значит, и в качестве «имущества» для целей применения этой статьи могут также рассматриваться некоторые другие права и интересы имущественного характера [19, п. 211–216]. В силу экономической и имущественной направленности содержания ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции человеческие эмбрионы нельзя приравнять к имуществу.

Рассматривая правовую природу эмбриона *in vitro* Д.А. Белова, основываясь на приведенном решении Европейского суда по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии», приходит к выводу о

невозможности отнесения эмбриона к категории вещей, а также к более широкой категории имущества ввиду отсутствия стоимостного эквивалента и недопустимости ценовой оценки эмбриона, поскольку иное противоречит основам нравственности [4, с. 126]. Автор предлагает рассматривать эмбрион как «*sui generis* с определением его в качестве самостоятельного объекта гражданских прав с особым правовым режимом».

Критикуя подход к эмбриону как к объекту права собственности, М.Э. Шодонова, С.В. Лозовская, Е.Ц. Дугарон отмечают, что ценностью обладает не сам по себе эмбрион, а связанная с ним возможность, которая носит неимущественный характер. В связи с этим авторы предлагают рассматривать криоконсервацию и донорство эмбрионов как часть процесса по оказанию медицинской услуги по лечению бесплодия [18].

Развивая данный подход, следует отметить, что эмбрион – это результат реализации личного неимущественного права – права стать родителем, права продолжить свой род. Результатом реализации этих прав является появление эмбриона. И исключительное право на эмбрион *in vitro* принадлежит мужчине и женщине, которые предоставили свой материал для создания эмбриона.

Абсолютность права и принадлежность его только потенциальным отцу и матери означает, что только они могут распоряжаться эмбрионом, и такое распоряжение возможно только по взаимному согласию. В случае отсутствия согласия эмбрион должен быть передан медицинской организации для уничтожения [3, п. 18, 64]. Поэтому целесообразно в согласии на криоконсервацию предусмотреть максимальный срок хранения эмбрионов, по истечении которого в случае, если между партнерами не будет достигнуто согласие о судьбе эмбрионов, они подлежат уничтожению. Это связано прежде всего с тем, что появление ребенка порождает обязанности родителей по отношению к этому ребенку, в том числе влечет материальные затраты на воспитание. Нельзя насильно, против воли возложить как обязанность материнства, так и обязанность отцовства. Как отмечает Л.Ю. Михеева, решение о создании новой жизни должен иметь право принять любой из генетических родителей: как женщина, так и мужчина [14, с. 25].

Право стать родителем – личное неимущественное право. В свою очередь личные неимущественные права в силу своей неотъемлемости от личности, не могут отчуждаться, а значит невозможна динамика субъектного состава в личных неимущественных отношениях [9, с. 86]. Реализация личного неимущественного права не может приводить к созданию обязанностей у третьих лиц. Поэтому реализация права стать родителем не может создавать родительские обязанности у лица, которое не высказало намерения им становиться.

Позиция о невозможности отозвать данное согласие на создание и перенос эмбриона как возможность сохранить эмбриону жизнь и защитить чувства матери [12] не соответствует праву на уважение частной и семейной жизни, приводит к дискриминации, фактически посягает на личность как ценность. Вопросы материнства и отцовства должны решаться из принципа равенства супругов, как того требует ст. 31 Семейного кодекса РФ, без перекоса в сторону принуждения мужчины к нежелательному отцовству [2; 8, с. 31]. Право «передумать» иметь совместных детей должно принадлежать как женщине, так и мужчине. Следовательно, и распоряжение замороженными эмбрионами должно осуществляться по взаимному согласию.

Отечественная судебная практика идет именно по этому пути. В одном из дел медицинская организация отказалась провести ЭКО женщине в отсутствие согласия ее бывшего мужа, несмотря на то что по условиям информированного согласия в случае расторжения брака права на распоряжение эмбрионом полностью переходят к жене. Женщина оспорила отказ произвести ей ЭКО. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали медицинскую организацию, указав что использование донорского биологического материала в лечении с использованием вспомогательных репродуктивных технологий допускается только при наличии информированного добровольного личного согласия на его применение как супруги, так и супруга [21].

К аналогичному выводу пришел и Ростовский областной суд при рассмотрении требования женщины обязать медицинскую организацию имплантировать эмбрион в отсутствие согласия партнера-мужчины, чей материал использовался для оплодотворения яйцеклетки истицы [23]. Суд отметил, что при реализации на основе обоюдного согласия мужчины и женщины их права на применение вспомогательных репродуктивных технологий, женщина не может воспользоваться правом на применение метода искусственного оплодотворения, в том числе на имплантацию эмбриона, без письменного согласия на то мужчины, который не лишен, в том числе, права на отзыв ранее данного согласия вплоть до имплантации эмбриона.

Реализация права на родительство приводит к появлению эмбриона. Эмбрион как сгусток клеток представляет собой материальный объект, но из него может развиваться жизнь, которая приведет к появлению нового субъекта. Поскольку эмбрион представляет зародыш жизни, его следует рассматривать как нематериальное благо, права на которые принадлежат будущим родителям.

Исключительное право на эмбрион принадлежит обоим потенциальным супругам до момента переноса эмбриона в тело женщины. После мужчина это право теряет, поскольку перенос эмбриона и развитие беременности является результатом реализации мужчиной своего права стать родителем. После внедрения эмбриона он

становится частью организма женщины, и, как в случае естественного оплодотворения, право распоряжения эмбрионом или плодом остается только у женщины, поскольку в дальнейшем развитие беременности и сами роды связаны со здоровьем и жизнью только женщины. Именно с целью охраны здоровья женщины ей предоставлено право на редукцию (уничтожение) эмбрионов в случае наступления многоплодной беременности для профилактики осложнений во время беременности и родов [3, п. 19]. Поэтому согласие на редукцию дает именно женщина, согласие от мужчины, чей генетический материал использован для создания эмбриона, не требуется.

Нематериальные блага неотчуждаемы от лица, не могут использоваться другими гражданами. В силу этого личные неимущественные права и нематериальные блага не могут передаваться по наследству. Эмбрионы не могут включаться в наследственную массу (ст. 1112 ГК РФ).

Нематериальность правовой природы эмбриона находит подтверждение и в судебной практике. Так, Верховный суд Республики Хакасия отказал включить в наследственную массу эмбрионы. Суд отметил отсутствие экономической составляющей в человеческом эмбрионе, в отличие от вещей. Единственными вариантами распоряжения эмбрионом лицом, которому он принадлежит, будут либо использование для себя (с сохранением или прекращением прав), либо отказ от прав (путем передачи прав на эмбрион третьим лицам или прекращения прав путем уничтожения) [22], следовательно в наследство эмбрионы не включаются.

В решении Одинцовского городского суда Московской области от 21.11.2022 г. по делу № 2-12139/2022 суд отказал супруге в признании за ней права на единоличное распоряжение судьбой криоконсервированных эмбрионов, оставшихся после смерти супруга, несмотря на соответствующее указание в информированном добровольном согласии. Суд в решении отметил, что эмбрионы не входят в наследство и право на них не переходят к другим лицам ни в порядке универсального, ни в порядке сингулярного правопреемства. Использование эмбриона должно осуществляться по взаимному согласию правообладателей. При этом суд не посчитал такое согласие в данном случае достигнутым.

Признание эмбриона нематериальным благом, полученным в результате реализации права на родительство, а также необходимость получения согласия обоих родителей на перенос эмбриона в тело женщины, не приводит к возникновению родительских прав и обязанностей в отношении ребенка у лица, не давшего согласие на перенос. Как следствие, не приводит к возникновению наследственных прав детей, которые могут появиться намного позже смерти своих родителей, чьи гаметы использовались для создания эмбриона. Признание прав наследования без согласия одного из родителей на

имплантацию эмбриона приведет к тому, что круг наследников может сильно расшириться, и наследники, вступившее в наследство, будут находиться длительное время в неопределенном состоянии в ожидании появления других наследников.

Шестой кассационный суд отказал в признании отцовства в отношении ребенка, который был зачат и родился после смерти мужчины, несмотря на то что родители состояли в фактических брачных отношениях, вели общее хозяйство, планировали рождение ребенка. Разрешая спор, суд пришел к выводу, что мужчина после смерти являлся лишь донором генетического материала, обязательств по участию в воспитании и содержании детей на себя не принимал, не состоял в браке, в связи с чем у мужчины не возникли родительские права и обязанности в отношении родившегося у его сожительницы ребенка [24]. Таким образом, согласие требуется не только для предоставления генетического материала для оплодотворения, но также требуется согласие и на распоряжение полученным эмбрионом. Иное приведет к понуждению стать родителем, приобрести родительские права и обязанности.

Подводя итог, можно сделать вывод, что эмбрион является нематериальным благом, поскольку создается в результате реализации права на родительство с использованием современных репродуктивных технологий. По этой причине лицам, чьи гаметы использовались для его создания, принадлежат равные абсолютные права на эмбрион, а значит распоряжаться эмбрионом они могут только по взаимному согласию. Как нематериальное благо, эмбрион не может быть включен в наследственную массу. В случае переноса эмбриона и рождения ребенка в отсутствие согласия одного из родителей, у последнего принудительно не возникают родительские права и обязанности в отношении ребенка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 г. № 60457) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Белова Д.А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex Russica. 2019. № 6 (151) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-embriona-in-vitro> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. 576 с.
6. Доля рожденных от ЭКО в РФ в 2023 году составила 2,4% от всех родов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22013901> (дата обращения: 22.10.2024).

7. Дружинина Ю.А. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал Российского права. 2017. № 2. С. 129–141.
8. Ильина О.Ю. Права отцов: де-юре и де-факто // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. Школа докт. Юрид. наук, проф О.Ю. Ильиной: монография. М: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 431 с.
9. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016. 256 с.
10. Киселева А.В. В России растет число проведенных циклов ЭКО // Ведомости. 2024. 17 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/17/1015383-v-rossii-rastet-chislo-provedennih-tsiklov-eko> (дата обращения: 22.10.2024).
11. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.
12. Останина Е.А. Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Малышева А.А. Право на жизнь: особенности правовой защиты эмбрионов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2017. № 3. С. 168–179.
14. Михеева Л.Ю. Проблемы правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий на современном этапе // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2013. № 3. С. 24–25.
15. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 42–52.
16. Панкратова Е.А., Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Медицинское право. 2006. № 2. С. 16–23.
17. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–39.
18. Шодонова М.Э., Лозовская С.В., Дугарон Е. Ц. Эмбрион человека как объект имущественных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 29–32.
19. Постановления Европейского Суда по правам человека от 27.08.2015 г. по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-157263> (дата обращения: 16.10.2024).
20. Постановления Европейского Суда по правам человека от 10.04.2007 г. по делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) (Большая Палата) [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-80046> (дата обращения: 16.10.2024).
21. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 10.07.2024 г. по делу № 33-24667/2024 // СПС «Гарант».

22. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 11.06.2024 г. по делу № 33-1363/2024 // СПС «Гарант».

23. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 27.04.2022 г. по делу № 33-7002/2022 // СПС «Гарант».

24. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2022 г. по делу № 8Г-20879/2022[88-22341/2022] // СПС «Гарант».

Об авторе:

КАРПЕНЮК Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал (241050, г. Брянск, ул. Дуки, д. 61), SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com)

In vitro embryo as intangible benefit of future parents

O.S. Karpenyuk

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Bryansk

The development of modern reproductive technologies has led to the fact that such an intangible benefit as life became necessary not only for protection, but also in legal regulation of the very moment of its birth. The study assesses human embryo as an intangible benefit by studying and comparing legal doctrine, judgements of national and international courts. The study showed that the embryo is created by the exercise of a personal non-economic right of paternity, an exclusive right of the man and woman whose biological material was used to create the embryo. The disposal of the embryo is possible only by mutual consent before the embryo is transferred into the woman's body. The legal nature of the embryo is important for the protection of the rights and interests of both men and women, especially when one partner has changed his or her mind about having joint children, or when one or both partners have died.

Keywords: *embryo in vitro, personal rights, parenting, use of embryo, non-economic benefit, inheritance of the pre-implantation embryo.*

About author:

KARPENYUK Olga – PhD in Law, associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk branch (241050, Bryansk, Duki st., 61), SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Карпенюк О.С. Эмбрион in vitro как нематериальное благо будущих родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 83–93.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.